

УДК 94(47).07

Н.Г. Баландина

**К ВОПРОСУ О НАПОЛНЕНИИ
КАРАМЗИНСКОЙ КОМНАТЫ В 1930 ГОДУ
(ПО ДОКУМЕНТАМ ИЗ АРХИВА РГБ)**

Статья знакомит с материалами об Остафьеве, выявленными в архиве Российской государственной библиотеки, которые дополняют историю закрытия музея и вывоза предметов из Карамзинской комнаты. Обнаруженная среди документов «Опись вещей, вывезенных из Остафьево...» отражает наполнение Карамзинской комнаты в 1930 году перед вывозом из музея, подтверждает накопленные сведения и позволяет реконструировать ее экспозицию.

Ключевые слова: Архив РГБ, Карамзинская комната, мемориальные предметы, опись.

N.G. Balandina

**CONCERNING THE CONTENT
OF THE KARAMZIN ROOM IN 1930
(ACCORDING TO DOCUMENTS FROM THE RUSSIAN STATE
LIBRARY ARCHIVE)**

The article introduces materials about Ostafyev found in the Russian State Library archives, which complement the history of the museum's closure and the removal of items from the Karamzin room. "The List of Items Removed from Ostafyev..." discovered among the documents reflects the content of the Karamzin room in 1930 before removing from the museum, confirms the collected information and allows reconstructing its exposition.

Keywords: The Russian State Library archive, Karamzin room, memorial items, list.

В Архиве Российской государственной библиотеки находятся материалы, которые дополняют историю закрытия музея в Остафьеве и вывоза предметов из Карамзинской комнаты. Среди документов Архива хранятся списки переданных в Государственную библиотеку им. В.И. Ленина, как тогда она называлась, книжных собраний и других предметов из монастырей и усадеб с 1928 по 1930 гг. на 186 листах. В том числе списки книг из усадебного дома Вяземских – Шереметевых в Остафьеве (дале-

ко не всего книжного собрания). В этом же блоке материалов хранится «Отчет Н.П. Киселева о результатах осмотра музея «Остафьево»», листы 176-180, автограф, датированный 9.04.1930 г. [3]. Прежде чем цитировать этот документ, хотелось бы сказать несколько слов о человеке, которому было поручено дать оценку остафьевскому собранию.

Николай Петрович Киселев, дворянин, окончил Московскую гимназию № 5 с золотой медалью, затем историко-филологический факультет Московского университета, далее Гейдельбергский университет. Свободно владел французским, немецким языками, знал и другие иностранные языки. В Публичный и Румянцевский музеи поступил на службу в 1911 году, был командирован в Западную Европу для изучения библиотечного дела. В 1919 году он уже заведующий Общим отделом Библиотеки [4]. Работал как эmissар по вывозу книжных собраний из монастырей и дворянских усадеб в 1920-1930-е гг. В его квалификации не приходится сомневаться.

Знакомство с послужным списком других эmissаров, работавших в усадьбах с аналогичными целями, позволяет предположить – среди тех, кто занимался вывозом усадебных библиотек, других усадебных коллекций было немало образованных людей, специалистов своего дела. Этот факт вызывает двойственное чувство. С одной стороны, хотя бы частично были спасены монастырские и усадебные книжные собрания, усадебные коллекции. С другой – тем труднее было тем, кто пытался спасти музеи-усадьбы от разорения, в том числе и музей в Остафьево [10, с. 197], поскольку сотрудники Ленинской библиотеки были заинтересованы в получении этих ценных материалов. Правда, последующие события в стране в любом случае шансов на сохранение таких мест, как Остафьевский музей, не оставляли.

Из отчета Киселева: *«Некоторые группы хранимых в Остафьево предметов имеют первостепенный историко-литературный и библиотечный культурный интерес и приобретение их для Ленинской библиотеки представляет абсолютную необходимость...»*

1. Библиотека, общию численностью от 30 до 35 тысяч томов. В составе ее наиболее ценна библиотека поэта П.А. Вяземского, в которой все произведения его друзей-поэтов представлены экземплярами изумительной сохранности и украшены дарственными надписями авторов, как например, В.Л. Пушкина, В.А. Жуковского, В.К. Кюхельбе-

кера, А. Мицкевича и других. Особенно ценно и то обстоятельство, что многие книги не в переплетах и сохраняют первые печатные обложки XVIII и XIX в., представляющие исключительную редкость. Библиотека отца поэта А.И. Вяземского содержит множество книг XVIII в. в великолепных переплетах; библиотека сына поэта П.П. Вяземского состоит из книг по искусству, археологии и истории, хорошо подобранных и превосходной сохранности.

2. Собрание гравюр в альбомах содержит до 12000 листов.

3. <...> культурное значение их [историко-литературных предметов – Н.Б.] неизмеримо, не может быть выражено никакими словами. По форме большая часть мемориальных предметов представляют портреты и альбомы фотографий <...>.

4. <...> весьма желательно было бы перевести шесть или семь обширных книжных шкафов красного дерева с бронзовой отделкой, в которых очень нуждается Музей Книги». [Из других источников известно, что из Остафьева были вывезены 32 книжных шкафа [10, с. 197]. В настоящее время в РГБ обнаружен только один из них. Шкаф хорошо виден на фотографии с подписью «Остафьево. Кабинет поэта Вяземского» – ГМУО КП-4594. Осенью 2019 года начался процесс оформления передачи этого предмета в музей во временное пользование – Н.Б.].

<...>Представлялось бы целесообразным предпринять следующие шаги:

1. Добиться в МОНО и Главнаука окончательного закрепления перечисленных выше групп за Л Б-кой.

2. В спешном порядке приступить к эвакуации предметов, ибо другие учреждения уже берут отдельные вещи, частью интересные для Б-ки.

Так, например, ИМЭ [институт Маркса и Энгельса – Н.Б.] забрал один из альбомов с гравюрами, а антиквариат Госторга – все инкунабулы из собрания П.П. Вяземского...» [3, с. 177-179].

Среди документов Архива также обнаружены 18 фотографий, зафиксировавших момент упаковки и вывоза из усадебного дома Вяземских – Шереметевых книг, различных коллекций и предметов обстановки [2].

Очень важен для музея следующий документ. Собственно, это два документа под одним шифром «Опись вещей, вывезенных из Остафьева... и перечень рукописей, переданных польской делегацией». Остановимся на первой части, которая представляет собой рукопись на 6 листах в клетку

формата А 4 с полным названием – «Опись вещей, вывезенных из «Остафьево» в отдел рукописей Ленинской библиотеки» [1]. Документ датирован 1930 годом, без конкретной даты. Большая часть рукописи выполнена, похоже, химическим карандашом, а заглавие, окончание списка и приписки сделаны обычным простым карандашом.

Первое, что бросается в глаза при чтении Описи: перечисленные предметы – это хорошо нам известные экспонаты Карамзинской комнаты. Проиллюстрируем хотя бы ее часть.

«1. 2847 Стол письменный, крытый черной клеенкой, с медной табличкой («Письменный стол А.С. Пушкина» 1837)

2. 2848 Стол Карамзина (деревянный, не крашенный, с одним ящиком)

3. 2849 Стенная этажерка

4. 2852 Витрина для книг (Карамз.)

5. 2846 Витрина для книг (Пушк.)

<...>

8. 2856 Конторка Карамзина

<...>

12. 2860 Подставка для тростей [карандашом «с 12-ю палками» – Н.Б.]

13. 2861

14. 2862

15. 2863

16. 2864 [кресла, все четыре указаны как черные, их хорошо видно на фотографии – ГМУО КП 275. Позднее в 1931 году почти весь гарнитур поступил в Останкино (Время и источник поступления – из музея Остафьева по акту от 20.01.1931 г. со следующим описанием: «Кресла (одиннадцать) деревянные черные, с резьбой... Взяты из кабинета А.С. Пушкина в имении Вяземского Остафьево» [6, с. 203]). После 1899 года, когда в Карамзинской комнате был открыт первый общедоступный музей А.С. Пушкина, Карамзинскую также стали называть Пушкинской. Кресла, которые попали в Останкино, были перекрашены в белоголубой цвет, в Российской государственной библиотеке осталось одно из этого гарнитура, покрытое черной краской, т.е. сохранилось в том состоянии, в котором его и вывезли в 1930 году. Осенью 2019 года также начался процесс оформления передачи этого предмета во временное пользование. – Н.Б.].

17. 2867 Мягкое кресло (обит. бел.) [карандашом подписано «Карамзина» – Н.Б.]

18. 2868 2 кресла, обиты зеленой кожей [их хорошо видно на акварели Н.З. Панова 1906 г. – Н.Б.]

19. 2869

<...>

25. 2875 Троость Пушкина с надписью.

26. 2876 Черный ящик с пятью кусками дерева

<...>

30. 2880 Витрина настольная

31. 2881 Жилет Пушкина

32. 2882 Восковая свеча

33. 2883 Белая лайковая перчатка...» [1, с. 1-2]

Подписано – напротив порядковых №№ 31,32,33 – «в витрине».

Перечисленные предметы нам хорошо известны по ряду документальных источников, прежде всего по фотографиям и почтовым открыткам рубежа XIX–XX вв. Помимо мебели, реликвий, связанных с Карамзиным и Пушкиным, в Описи указаны графические портреты и фотографии. И это особенно ценно, поскольку при изучении фотоматериалов не все портреты можно было определить с точностью, даже при технической обработке, т.е. увеличении, изменении контрастности и т.д.

По порядковым номерам всего в Описи 132 предмета и 5 позиций без порядковых номеров (это предметы уже ранее упомянутые в списке).

Обращают на себя внимание двойные номера Описи: порядковые и четырехзначные, похоже, инвентарные, которые не всегда идут подряд, но, если их выстроить по нарастанию, то встает картина размещения предметов на стенах, т.е. последовательность их развески. В основном, это полное совпадение перечисленных в Описи предметов с изображениями экспонатов определенного фрагмента стены на фотографиях Карамзинской комнаты. Четырехзначные номера могут быть музейными шифрами, данными еще П.С. Шереметевым, или это могут быть инвентарные номера, которые ставились на предметах в период работы сотрудников музейного подотдела МОНО (Московского отдела народного образования при Моссовете). Но, скорее всего, не при вывозе, поскольку напротив некоторых шифров стоит слово «нет», т.е. шифры

ставились, когда предметы были на месте, а к моменту вывоза их в наличии не было. Например, папка с двумя фотографиями «Вяземский в гробу». Галочки, проставленные в Описи перед номерами, видимо, знаки сверки в Отделе рукописей. Напротив порядкового 102 и четырехзначного 2909 – это номера вышеназванных фотографий – такой галочки нет, а в конце списка название папки идет с конкретной пометой «нет».

В Описи, за редким исключением, не указаны материал и техника. Только напротив живописных портретов в скобках стоит «масло». Например, так подписаны портреты Пушкина и Дмитриева (под номерами 2968 и 2969); «Пушкин на смертном одре» работы Козлова (номер 2965). Напротив портрета П.П. Вяземского в скобках указано «акварель» (номер 2940), напротив «Место дуэли Пушкина» подписано «рисунок» (номер 3016), указан материал бюстов: бюст Жуковского – белый гипс (номер 2871), бюст Дмитриева – черная бронза (четырехзначного номера нет, только порядковый – 107). Большинство же портретов – это одна фамилия, нередко сокращенная и даже без инициалов. Но для нас, благодаря документальным источникам, а главное, благодаря работе Е.Г. Кочневой, которая в течение нескольких лет изучала и расшифровывала по фотодокументам наполнение Карамзинской комнаты, многие графические портреты и фотографии известны. Приблизительно 85% из них на сегодняшний день «опознаны».

Значение Описи заключается в том, что она позволяет нам реконструировать Карамзинскую комнату. Во-первых, она подтверждает известное нам содержание экспозиции. Если совместить предметы, указанные в Описи, с изображениями на фотографиях и почтовых открытках этого экспозиционного пространства, мы получаем подтверждение той логики, которая была «прочитана» в свое время хранителем фотофонда Е.Г. Кочневой. «Удалось не только найти на изображениях большинство портретов и предметов, описанных в путеводителях, но и выявить множество новых, никем не упомянутых. Например, знаменитую «Остафьевскую копию» портрета Пушкина, находящуюся сейчас в Государственном музее А.С. Пушкина, четыре портрета Н.М. Карамзина, пятый портрет историка работы Гиппиус, запечатлен на картине «Субботнее собрание у Жуковского», портреты Д.Г. Бибикова (см. примечание), Е.Ф. Канкрин, А.И. Тургенева, М.Ю. Виельгорского, Н.П. Барсукова, коллаж трех портретов Пушкин-Карамзин-Жуковский, литографию

Чернецова с портретами Гнедича-Пушкина-Жуковского-Крылова, вид Гомбурга и другие. Удалось установить, какой именно портрет Байрона находился в Карамзинской комнате. Кроме перечисленного выше удалось выявить одиннадцать портретов П.А. Вяземского разных лет. Из них только два портрета работы О. Кипренского и Дица упомянуты в путеводителе, остальные выявлены исключительно по изображениям на почтовых открытках и фотографиях. Анализ полученного материала позволил понять внутреннюю логику построения экспозиции» [9]. Об этой логике чуть позже.

Обнаруженная Опись подтверждает наличие всех перечисленных экспонатов. В Описи упоминаются именно 11 портретов П.А. Вяземского, четыре портрета Карамзина, есть и министр финансов Егор Францевич Канкрин и Дмитрий Гаврилович Бибилов, герой Отечественной войны 1812 г. В Описи указан и фрагмент картины Чернецова «Парад на Царицыном лугу» с группой литераторов: А.С. Пушкиным, В.А. Жуковским, Н.И. Гнедичем, И.А. Крыловым. И коллаж из трех портретов в одном паспарту: Пушкин, Жуковский, Карамзин (причем, поскольку все портреты выполнены различными авторами – в Описи в данном случае фигурируют три номера: 3013 – 3015, что говорит о профессиональном подходе при составлении списка). В Описи есть «Вид Гомбурга», правда написано с ошибкой «Гамбурга» (видимо, маленький курортный городок Бад-Гомбург мало кому знаком в отличие от всем известного Гамбурга), а также изображение комнаты, где умер П.А. Вяземский. В свое время подсказкой для определения в Карамзинской комнате этого экспоната послужили сведения в очерке «Остафьево», где А.Н. Греч пишет: «...Чьей-то заботливой рукой был снят и вид комнаты, где умер поэт» [7, с. 95]. Далее на одной из фотографий при технической обработке Е.Г. Кочневой был обнаружен рисунок с видом неизвестной комнаты, расположенный рядом с диваном, на котором умер П.А. Вяземский. Все логически сошлось. Часть перечисленных изобразительных материалов из Отдела рукописей РГБ экспонировалась в 2017 году на выставке, посвященной П.А. Вяземскому, в том числе и вид Гомбурга в овальной раме, а также гипсовый барельеф П.А. Вяземского работы Уолтрека, несколько фотографий П.А. Вяземского, В.А. Жуковского и другие предметы из Карамзинской комнаты.



Рис. 1: Почтовая открытка. Остафьево. Карамзинская комната. 1907 год.
Из фондового собрания ГМУ «Остафьево» – «Русский Парнас» (КП 276 ОФ 42).



Рис. 2: Фотография. Карамзинская комната. Фрагмент. 1920 год.
Из фондового собрания ГМУ «Остафьево» – «Русский Парнас» (КП 4598 ОФ 292).

Таким образом, еще раз подчеркнем – Опись подтверждает накопленные сведения об экспозиции Карамзинской комнаты.

Во-вторых, Опись восполняет то, что было неизвестно. Например, в Описи под номерами 2852 и 2846 указаны: витрина для книг (Карамзина) и витрина для книг (Пушкина). Книги в Карамзинской витрине называет частично Н.К. Квятковская, этот список благодаря обнаруженной Описи теперь дополнен, в том числе и знаменитой «Запиской о древней и новой России...», «Историческим похвальным словом императрице Екатерине II», «Письмами русского путешественника» на немецком языке и т.д. Об изданиях Пушкина в витрине мы почти ничего конкретного не знали, в Описи подробный перечень прижизненных изданий. Среди них: «Борис Годунов», «Евгений Онегин», «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Руслан и Людмила» и упомянутые Гречем два тома «Современника». Карамзинские книги помечены – В № 1 с дробями (витрина № 1), пушкинские – В № 2 с дробями (витрина № 2). В Описи указан медальон с тремя рельефными изображениями: императора Александра I, прусского короля Фридриха III и австрийского императора Франца I, с девизом «Союзъ и победа»; медаль с изображением Байрона. О медальоне и медали, посвященной английскому поэту, не упоминалось в известных нам документах, их не видно на фотографиях. Также только из Описи мы узнали о портретах в Карамзинской министра финансов Александра Максимовича Княжевича (1858-1862) и Авраама Сергеевича Норова, который возглавлял министерство просвещения и при котором Вяземский был товарищем министра (1855-1858 гг.). Присутствие портретов этих людей вполне логично, и Княжевич, и Норов были связаны с П.А. Вяземским и профессионально, и дружески.

Облик Карамзинской комнаты уже в музейном статусе частично менялся со дня открытия и до 1930 года. Фотографии разных лет, описания в путеводителях зафиксировали эти изменения. Из рабочих материалов Е.Г. Кочневой мы видим, что наиболее заверченный вид экспозиции пришелся на 1907 год.

Когда перечень предметов Описи расположили по нарастающим номерам шифров, обнаружили не только совпадения с изображениями экспонатов на фотографиях и почтовых открытках, но и отсутствие некоторых экспонатов. И, действительно, в Описи, например, нет гравюр, выполненных по рисункам Орловского с героями Отечественной войны

1812 года: Кутузовым, Витгенштейном, Платовым; нет больших полотен «Слава Кутузова», «Слава Александра I». Сравнивая опись с известными фотоматериалами, с путеводителями, можно сказать, чего уже не было в Карамзинской к моменту вывоза. Об утратах П.С. Шереметев писал за несколько лет до трагического года разрушения музея.

Опись нам дает перечень предметов, которые находились в ней весной – начале лета 1930 года. П.С. Шереметев уже не был в это время заведующим музеем. Тем не менее, список экспонатов Карамзинской составлен отдельно, предметы из этого помещения не смешаны с другими. «По особому приемному акту в библиотеку поступили мемориальные экспонаты из карамзинской (пушкинской) комнаты...» [10, с. 197]. Те, кто занимался вывозом, понимали ценность не только Остафьева в целом, но сочли необходимым сохранить содержимое этого пространства, как очень важного и особенно значимого даже для остафьевского дома, наполненного ценными мемориями.

Предметы, связанные с Пушкиным, Карамзиным стали символами национальной памяти. И комната называлась уже в начале XX века и Карамзинской, и Пушкинской. А «путеводителем» этого музейного пространства был П.А. Вяземский, который, как писал Н.П. Барсуков, являлся носителем «исторических и литературных преданий почти за целое столетие, переживший много эпох в мире политическом и литературном» [8, с. 158]. Е.Г. Кочнева, работая над содержанием Карамзинской, пришла к выводу, который сейчас воспринимается как очевидный: «Смысловой ключ от экспозиции Карамзинской комнаты следует искать в личной и творческой биографии князя Вяземского. Каждый экспонат связан множеством «нитей» именно с личностью П.А. Вяземского. Принцип построения экспозиции Карамзинской комнаты кратко можно сформулировать словами П.С. Шереметева из его монографии «Карамзин в Остафьеве» – «семейные, литературные и исторические воспоминания князя Вяземского и его друзей». Именно в таком порядке» [9]. Кто-то сказал, что события жизни Карамзина становились событиями русской литературы, тоже можно сказать и о Пушкине, и о Вяземском.

Таким образом, Карамзинская комната была не только рабочим кабинетом историка Н.М. Карамзина, не только первым музеем А.С. Пушкина, не только первым и, по-видимому, единственным до сих пор музеем П.А. Вяземского, но и первым историко-литературным музеем России.

Яркая литературная судьба Остафьева до сих пор достойно не отражена в музейной экспозиции. Воссоздание Карамзинской комнаты, по словам современников – самой замечательной комнаты Остафьева, «заполнило» бы многие пробелы. Сегодня известно, где находится большая часть предметов из Карамзинской. Конечно, не все можно вернуть. Мемориальные вещи А.С. Пушкина были переданы в ИРЛИ (Пушкинский дом) и Квартину Пушкина на Мойке, а в 1938 году письменный стол и конторка Карамзина оказались в Литературном музее [5]. Некоторые личные вещи Карамзина экспонируются в Государственном историческом музее. Но большинство портретов, фотографий – это тиражный материал. Вполне реально выполнить задачу воссоздания Карамзинской комнаты, и мы почти вплотную подошли к возможности ее реализации.

Р.С. Выражаю благодарность за помощь главному хранителю РГБ С.П. Утве, сотрудникам Архива РГБ, хранителям Государственного музея-усадьбы «Остафьево» – «Русский Парнас» Е.Г. Кочневой (фонд «Кино-фоно-фотодокументов» с 2007 по 2016 гг.) и О.П. Боровик (служба по учету и хранению).

ПРИЛОЖЕНИЕ

«История – это целый курс психологии в лицах», – как-то заметил С.Д. Шереметев. Лица людей на портретах Карамзинской комнаты превращали ее в своеобразную иллюстрированную энциклопедию: историческую, литературную, общественно-политическую. Таков был масштаб этих личностей. Их служебная и творческая деятельность оставили след в истории. Факты частной жизни, родственные и дружеские связи, семейные воспоминания и родовые предания отразились в литературных произведениях, становились предметом изучения. Все это создавало интереснейший ассоциативный ряд. Примером такого, далеко не полного, конечно, ассоциативного ряда, представленного ниже, может служить портрет Д.Г. Бибикова.

Этот портрет, помещенный в верхней части угловой печи (рис. 2), условно завершал тему войны 1812 года, начатую пятью гипсовыми

медальонами Ф. Толстого (справа от карамзинского окна, под парадным портретом князя А.И. Вяземского в военном мундире), и продолженную далее всем верхним изобразительным рядом восточной стены: двумя аллегорическими картинами «Слава Кутузова» и «Слава Александра I» и тремя гравюрами по рисункам Орловского с портретами П.Х. Витгенштейна, М.И. Кутузова и М. Платова. Интересно, что Кутузов на портрете изображен таким, каким его вспоминал П.А. Вяземский в поэме «Поминки по Бородинской битве»: «он и в белой был фуражке и на белом был коне».

Под портретом Д.Г. Бибикова на угловой печи висел портрет Н.М. Карамзина, названного П.А. Вяземским «нашим Кутузовым двенадцатого года, спасшего Россию от нашествия забвения». После взятия Парижа в 1814 году Карамзин опубликовал стихотворение «Освобождение Европы и слава Александра I», высказав в предисловии намерение написать историю войны с Наполеоном. Далее у печи на приставном столике – портрет молодого В.А. Жуковского – автора знаменитого «Певца во стане русских воинов». Рядом маленькая застекленная витрина с послужным списком и наградами П.А. Вяземского. Война для П.А. Вяземского, по его словам, началась и закончилась Бородинским сражением, в котором он проявил мужество и был награжден. Поэму «Поминки по Бородинской битве» (1868) князь Вяземский посвятил своему «бородинскому сослуживцу» Дмитрию Гавриловичу Бибинову.

Дмитрий Гаврилович Бибинов (1792-1870) – видный государственный деятель, член Госсовета, министр внутренних дел (1852-1855), герой Отечественной войны 1812 года, двадцатилетний участник Бородинского сражения, во время которого был тяжело ранен (ядром ему оторвало левую руку). В поэме «Поминки по Бородинской битве» (1868) Вяземский дает яркую характеристику его личности; в IV главе поэмы описана их встреча на Бородинском поле, когда Бибинов одолжил Вяземскому коня взамен павшего. С 1824 по 1835 год Д.Г. Бибинов занимал пост директора департамента внешней торговли и был непосредственным начальником П.А. Вяземского по службе в министерстве финансов; находясь в этой должности, искоренил множество злоупотреблений в таможенном ведомстве, что было отмечено уже в наше время учреждением ведомственной медали «Дмитрий Бибинов» (2012). На посту министра внутренних дел его преемниками в разные годы были

Петр Александрович Валуев (1814-1890), зять П.А. Вяземского, и Дмитрий Сергеевич Сипягин (1853-1902), зять П.П. Вяземского.

Д.Г. Бибиков происходил из славного и знатного рода Бибиковых, был родным племянником Александра Ильича Бибикова (1729-1774) – выдающегося государственного и военного деятеля екатерининских времен, главнокомандующего правительственными войсками при подавлении Пугачевского бунта (при его штабе служил молодой подпоручик Г.Р. Державин). Деятельность А.И. Бибикова отражена в «Истории Пугачевского бунта» (1836). А.С. Пушкин считал А.И. Бибикова одним из «замечательнейших лиц Екатерининских времен», высоко ценил его официальные донесения, но, особенно, его письма родным и друзьям – за откровенность и глубину мыслей. В «Истории Пугачевского бунта» А.С. Пушкин цитировал письмо А.И. Бибикова к Д.И. Фонвизину. Личность А.И. Бибикова в 1830 году привлекла пристальное внимание П.А. Вяземского во время работы над «Фон-Визиным» (1848), в котором отражена его деятельность и дружба с Д.И. Фонвизиним, а в приложении даны письма А.И. Бибикова к Фонвизину.

Д.Г. Бибиков – родной племянник жены фельдмаршала М.И. Голенищева-Кутузова (1745-1813) Е.И. Голенищевой-Кутузовой (1754-1824) (р. Бибиковой) – статс-дамы, незаурядной личности, состоявшей в переписке с мадам де Сталь. Их дочь, Елизавета Михайловна Хитрово (1783-1839), в первом браке графиня Тизенгаузен, приходилась Д.Г. Бибикову двоюродной сестрой. Первый муж Елизаветы Михайловны – Ф.И. Тизенгаузен (1782-1805), за которым она, как «истинная дочь Кутузова», последовала в действующую армию, геройски погиб во время Аустерлицкого сражения со знаменем в руках, что, как считается, послужило Л.Н. Толстому основой для описания сцены ранения князя Болконского в романе «Война и мир». Елизавета Михайловна Хитрово была преданнейшим другом А.С. Пушкина. «В ней дружба, – как писал П.А. Вяземский, – возвышалась до степени доблести». Вместе с дочерью, графиней Фикельмон, она была хозяйкой блестящего интеллектуального салона, в котором, по словам П.А. Вяземского, «дипломаты и Пушкин были дома». Долли Фикельмон считается прототипом «молодой величавой красавицы» в «Египетских ночах» Пушкина.

Д.Г. Бибиков был женат на Софье Сергеевне Кушниковой – внучатой племяннице Н.М. Карамзина. Ее отец С.С. Кушников (1765-1839) –

родной племянник Н.М. Карамзина, в молодости герой Очакова, любимый адъютант А.В. Суворова, петербургский губернатор, сенатор, был одним из четырех членов Верховного суда над декабристами, которые, как и адмирал Н.С. Мордвинов, голосовали против смертной казни.

В доме, принадлежавшем Бибиковым с конца 1830-х годов, был знаменитый на весь Петербург салон Екатерины Андреевны Карамзиной, который А.О. Смирнова-Россет называла «Ковчегом Арзамаса»; салон Карамзиной послужил Пушкину образцом «гостиной истинно дворянской» для описания петербургской гостиной Татьяны в романе «Евгений Онегин». В 1837 году после гибели Пушкина в дом Карамзиных В.А. Жуковским был введен М.Ю. Лермонтов, стихотворение «На смерть поэта» (1837) сразу сделало его имя известным, оно же – причина его первой ссылки на Кавказ. К празднованию 25-летия Бородинского сражения Лермонтов опубликовал в журнале «Современник» стихотворение «Бородино» (1837), принесшее ему всенародную славу. Непосредственным поводом к написанию стихотворения послужило знакомство Лермонтова с воспоминаниями его двоюродного деда Афанасия Алексеевича Столыпина (1788-1864) – ветерана Отечественной войны 1812 года, который считается прототипом «дяди» из стихотворения «Бородино». Одна из дочерей Афанасия Алексеевича Столыпина – Наталья (1834-1905) – была супругой Василия Алексеевича Шереметева (1834-1884), принадлежащего к нетитулованной линии рода Шереметевых, двоюродного брата владельца Остафьева графа С.Д. Шереметева. Лермонтов стал частым гостем салона Карамзиных после первой ссылки, другом Софьи Николаевны Карамзиной. Здесь, в салоне Карамзиной, он был перед последней поездкой на Кавказ и примирился с Н.Н. Ланской (р. Гончаровой, Пушкиной), которую ранее осуждал. Причиной второй ссылки стала дуэль с сыном иностранного дипломата Барантом, поводом для которой, по свидетельству поэтессы Ростопчиной, стал «спор о смерти Пушкина». После гибели М.Ю. Лермонтова на дуэли от руки Н.С. Мартынова князь П.А. Вяземский писал: «В нашу поэзию стреляют удачнее нежели в Лудвига Филиппа. Второй раз не дают промаха».

Сын Д.Г. Бибикова Дмитрий (1830-1865) был женат на Елизавете Петровне Шереметевой (1835-1923) – племяннице Н.С. Мартынова, от руки которого на дуэли погиб Лермонтов. Ее отец Петр Василье-

вич Шереметев (1799-1837) из нетитулованной ветви рода Шереметевых, подполковник, чиновник дипломатической службы, владелец усадьбы Юрино, мать Елизавета Соломоновна Шереметева (р. Мартынова) (1812-1891) – родная сестра Н.С. Мартынова (1815-1875). Н.С. Мартынов после суда и вынесения ему приговора обращался за помощью к родственнику Д.Г. Бибикову, но Синод отклонил его ходатайство о смягчении приговора. По слухам, которыми сразу же обросла дуэль, ее причиной послужила защита Н.С. Мартыновым чести своей старшей сестры Натальи, которая, якобы, выведена Лермонтовым под именем княжны Мэри в романе «Герой нашего времени». Однако, по мнению советского лермонтоведа Э.Г. Герштейн, «нам остается только согласиться с ближайшим спутником жизни поэта и свидетелем его гибели» А.А. Столыпиным (Монго): «причины дуэли Лермонтова с Мартыновым остались неясными». А.А. Столыпин (Монго) (1816-1858) – близкий родственник и друг М.Ю. Лермонтова, прототип Печорина, двоюродный брат княгини М.А. Вяземской (в первом браке Бек, р. Столыпиной), жены князя Павла Петровича Вяземского. Попытку оправдать Мартынова предпринял в своем романе «Пшеница и плевелы» (1936-1941, опубл. 1993), Борис Александрович Садовской (1881-1952) – поэт, прозаик, критик и литературовед Серебряного века, друг юности О.Г. Шереметевой (1885-1941) – жены Б.Б. Шереметева, двоюродного брата графа С.Д. Шереметева. После революции Б.А. Садовской жил в одной из келий Новодевичьего монастыря, описал переезд туда П.С. Шереметева, высленного из усадьбы Остафьево. В 1920-е годы О.Г. Шереметева, работая в Ленинской библиотеке, фактически собрала рассеянную в недрах библиотеки знаменитую библиотеку Чаадаева, она автор научного исследования «Надписи и отметки на книгах библиотеки Чаадаева». После смерти Б.Б. Шереметева ее вторым мужем стал А.А. Сиверс (1866-1954) – видный нумизмат, генеалог, он принадлежал к дворянской ветви немецкого рода Сиверс, к которому относилась и графская ветвь Елизаветы Карловны Сиверс – матери Екатерины Андреевны Карамзиной.

Приведенный материал говорит нам о содержательном потенциале Карамзинской комнаты, где от любого портрета можно протянуть ассоциативную нить и к семейным, и к литературным, и к историческим воспоминаниям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив РГБ. Оп. 7. Ед. хр. 22.
2. Архив РГБ. Оп. 14. Ед. хр. 30. Ч. 2.
3. Архив РГБ. Оп. 21. Ед. хр. 4.
4. Архив РГБ. Оп. 161. Ед. хр. 311.
5. Архив РГБ. Оп. 263. Ед. хр. 22. Дело № 13.
6. Баландина Н.Г. К вопросу об обстановке усадебного дома в Остафьеве // Карамзинский сб. Вып. 1. М.: Щербинская типография, 2011. С. 193-213 .
7. Греч А.Н. Остафьево // Остафьевский сб. Вып. 10. М., 2005. С. 83-105 .
8. Дерябина Л.И. Археограф, историк Николай Платонович Барсуков во взаимоотношениях и переписке с Вяземскими и Шереметевыми // Остафьевский сб. Вып. 11-12. М., 2009. С. 150-182.
9. Из рабочих материалов хранителя фонда «Кино-фоно-фото документов» 2007-2016 гг. Е.Г. Кочневой.
10. Кирюшина З.Е. Страница истории музея-усадьбы «Остафьево» (1918-1930 гг.) // Остафьевский сб. Вып. 11-12. М., 2009. С. 184-203.